

ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА КАК ЧАСТЬ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: ПРОБЛЕМЫ И АЛЬТЕРНАТИВЫ

УДК 323

Дмитрий Александрович Давыдов

младший научный сотрудник отдела философии Института философии и права
УрО РАН, г. Екатеринбург. Email: davydovdmitriy90@gmail.com

В статье рассмотрена теория социального капитала в контексте консервативной политической мысли. Показано, что сторонники теории социального капитала считают социальные скрепы источником экономического благополучия («социальные отношения имеют значение»). Они критикуют культ индивидуализма, считая, что процесс индивидуализации влечет за собой дефицит социального капитала. Автор отмечает противоречивость такого подхода. Так, социальные скрепы не стоит называть капиталом из этических соображений. Метафорика «капитала» может быть вредна, так как она искажает наше представление об истинных мотивах объединения индивидов. Среди таких мотивов могут быть любовь, чувства взаимности и благодарности и т.п. Не ясна и концептуальная составляющая теории социального капитала, а также отношение между социальным капиталом и капитализмом. Как показывает опыт, реальный капитал способствует разрушению того, что, как правило, подразумевается под социальным капиталом. Данная ситуация заставляет пересмотреть ту роль, которую играет сегодня теория социального капитала в политических дискуссиях. Автор предлагает альтернативный термин – «социальное капитализма». Данный термин обозначает те социальные феномены, сущность которых внеположна сущности капитализма. В связи с этим предложен подход, согласно которому капитализм не существует без того, что ему противостоит. Некоторые социальные феномены являются противовесом эгоизму, а потому могут сдерживать негативные стороны капитализма. Однако и капитализм с его акцентами на индивидуальных свободах нивелирует зло, потенциально проистекающее от фанатизма и фундаментализма социальных объединений. Такой подход, по мнению автора, позволяет поднимать те же проблемы, которые рассматривает теория социального капитала, избегая при этом искажений смыслов и концептуальных противоречий.

Ключевые слова: капитализм, консерватизм, социальный капитал

В последнее время часто говорят о том, что современные капиталистические общества переживают период нехватки социального капитала. Под социальным капиталом понимают социальные институты, нормы, ценности, доверие, то есть все то, что объединяет индивидов, способствует

кооперации, достижению взаимных выгод и снижает трансакционные издержки [Бурдые 2002; Коулмен 2001; Патнэм 1996; Фукуяма 2004; Putnam 1995]. Современное общество становится обществом изолированных индивидов, которых не заботит общественное благополучие. Упадок доверия, деградация социальных ценностей, разобщенность и другие процессы, способствующие подрыву общественной солидарности, могут привести к пагубным последствиям: от снижения рождаемости и подъема преступности до неработоспособных политических институтов и проблем демократии.

Теория социального капитала представляет собой попытку рефлексивного осмысления проблем современного капитализма. Авторы теории социального капитала показывают, что «социальные отношения важны» в экономике, и стабильное экономическое развитие невозможно без социальных скреп. Однако вскоре выяснилось, что с концептом социального капитала связаны некоторые проблемы. В настоящей статье мы попытаемся развить тезис о том, что отнюдь не все социальные явления могут быть названы словом «капитал». Кроме того, мы введем термин «социальное капитализма», чтобы отделить те феномены, которые важны для функционирования капиталистической экономики, но не являются капиталом, если под капиталом понимать совокупность предметов инвестирования и «извлечения выгод». Напротив, это такие понятия (вроде альтруизма и преданности), которые способствуют скорее не материальному, а моральному здоровью капитализма, борясь с гипертрофированным стремлением к обогащению, с расчетливостью и «бесчеловечностью» рыночных экономик. В заключение мы рассмотрим концепт «социальное капитализма» в контексте системы представлений, называемой нами «критическим консерватизмом».

Социальная рефлексия методами экономики: тезис о дефиците социального капитала. Сегодня исследования социального капитала составляют целую отрасль в социологии и политических науках. Есть данные о том, что этой тематике посвящены ежегодно сотни научных статей и монографий [Stolle, Hooghe 2003]. В целом социальный капитал можно понимать, с одной стороны, как совокупность ресурсов, заключенных в социальных сетях [Коулмен 2001; Бурдые 2002; Lin 1999; Lin 2001], с другой стороны, как доверие, нормы, ценности, эмоциональные скрепы, институты, способствующие кооперации и солидарности [Коулмен 2001; Патнэм 1996; Фукуяма 2004a; Фукуяма 2004b; Putnam 1995].

Наиболее «скандальной» частью теории социального капитала оказались исследования, повлекшие за собой выводы о «драматическом» снижении социального капитала в современном обществе. Наиболее известные авторы здесь – Р. Патнэм и Ф. Фукуяма.

В своей книге «Чтобы демократия сработала» Р. Патнэм приводит результаты сравнительного исследования социальных структур северных и южных регионов Италии. Он замечает, что экономический успех северных регионов во многом обусловлен особенностями социальных структур. Это прежде всего распространенность добровольных ассоциаций. По Патнэму, на севере Италии «множество хороших обществ, футбольных команд, круж-

ков любителей птиц и отделений “Ротари-клуба” [и т.д.], ...социальные и политические связи организованы горизонтально, а не иерархически. Общество ценит солидарность, гражданскую вовлеченность, сотрудничество, честность» [Патнэм 1996: 144]. «Отсталые» южные регионы Италии, напротив, характеризуются распространенностью мафиозных организаций, закрытых сообществ и недоверием. Согласно Патнэму, горизонтальные социальные связи способствуют росту доверия, солидарности и демократичности институтов, благодаря чему обеспечивается динамика во всех сферах общества.

Закончив свое исследование регионов Италии, Патнэм обратился к США. В 1995 г. выходит в свет его статья «Боулинг в одиночку» [Putnam 1995]. В ней американский социолог выдвигает тезис о том, что начиная с 60-х гг. XX в. Соединенные Штаты переживают постепенное «обеднение» (declining) социального капитала.

Начинает Патнэм с констатации снижения показателя политического участия. С учетом временных флуктуаций в целом явка на выборах всех уровней снизилась с начала 1960-х гг. к середине 1990-х. С 1973 г. доля американцев, участвующих в общественных мероприятиях в своем городе или в школьном самоуправлении, снизилась более чем на треть (с 22 процентов в 1973 г. до 13 процентов в 1993 г.). Снижается в этот период и «индекс доверия» к политическим институтам. Как он пишет, доля американцев, которые отвечают, что они доверяют правительству в Вашингтоне «время от времени» или «почти никогда» увеличилась примерно с 30 процентов в 1966 г. до 75 процентов к 1992 г. [Putnam 1995: 68].

Объяснение этому Патнэм вновь ищет в деятельности добровольных ассоциаций. В его теории особую значимость для американской нации имеют религиозные группы, а также профсоюзы, женские организации, родительские ассоциации (в школах), спортивные клубы, профессиональные сообщества и т.д. Он говорит, что именно такие ассоциации «гражданской вовлеченности» укрепляют нормы общественной взаимности и способствуют социальному доверию, координации и коммуникации [Putnam 1995: 67]. Далее Патнэм опираясь на сведения «Общего социального опроса» (General Social Survey) отмечает снижение показателей «по всем пунктам». Значительное уменьшение численности претерпевают религиозные группы. Еще более быстрыми темпами убывает профсоюзное движение. Членство в родительских организациях «спадает радикально на протяжении всего последнего поколения», с более чем 12 миллионов в 1964 г. примерно к 5 миллионам в 1982 г. [Putnam 1995: 69]. Схожая картина в женских группах. Затрагиваются также волонтерские ассоциации: снижается количество волонтеров в организациях, таких как «Скаутская Организация» (на 26 процентов с 1970 г.) и «Красный Крест» (на 61 процент с 1970 г.) [Putnam 1995: 69].

Вышеописанные тенденции, правда, не свидетельствуют о всесторонней «деградации». Сам Патнэм делает оговорку: с начала 1960-х гг. появляются и становятся массовыми *новые* общественные объединения. Среди таких объединений – «зеленые» или, например, группы феминисток вроде

«Национальной организации для женщин», созданной в 1966 г. Численность «новых» организаций увеличивалась быстро с 1970-х гг. Патнэм приводит в пример впечатляющий рост «Американской ассоциации престарелых людей» (AARP). Эта группа выросла экспоненциально – с 400 тысяч членов в 1960 г. до 33 миллионов в 1993 г. [Putnam 1995: 71].

Рост численности «новых» социальных объединений не убеждает Патнэма в ложности его тезиса о снижающемся уровне социального капитала в соединенных штатах. Он называет «новые» группы третичными (третье-сортными), так как для подавляющего большинства членов таких организаций основная форма участия в них состоит в выписывании чеков на членские взносы или, возможно, в чтении бюллетеней [Putnam 1995: 71]. То есть не происходит общения «с глазу на глаз». Они болеют за одну команду или разделяют общие интересы, но не знают о существовании друг друга [Putnam 1995: 71].

Ф. Фукуяма, как и Патнэм, говорит о том, что современное общество переживает драматический период упадка социального капитала. Это связано, по его мнению, с культурой *гипертрофированного индивидуализма*. Постоянные изменения и бурный экономический рост разрывают любые социальные связи. Все больше ценятся индивидуальные свободы и мобильность.

Фукуяма вслед за Патнэмом анализирует социальные тенденции, но он считает количественный подход Патнэма к измерению социального капитала некорректным. Социальный капитал, по мнению Фукуямы, имеет важные *качественные* характеристики. Недостаточно просто измерять количество добровольных ассоциаций и их численность, необходимо также уделять внимание социальным ценностям и моральным нормам. Фукуяма пишет о том, что адекватное измерение социального капитала требует принимать в расчет природу коллективной деятельности, Лига боулинга или клуб садоводов, конечно, могут быть школами сотрудничества, но очевидно, что с точки зрения видов коллективной деятельности, которую они осуществляют, эти институты отличаются от корпуса морской пехоты США или мормонской церкви. По меньшей мере Лига боулинга не способна к высадке десанта [Фукуяма 2004а: 37].

Фукуяма исследует показатели, которые сводятся к трем основным: преступность, семья и доверие. Измерения этих показателей начиная с 1965 г. демонстрируют негативные тенденции как в США, так и в большей части европейских стран. Фукуяма пишет также о снижении рождаемости, росте количества разводов и рождаемости вне брака [Фукуяма 2004а: 46-90].

Основная причина этих (очевидно пагубных для поддержания общественного благополучия) тенденций – в разрушении социальных ценностей: распад нуклеарной семьи и эмансипация женщин вкупе с новообразованным культом индивидуальной свободы (в том числе свободы выбора сексуального партнера).

Иными словами, Фукуяма делает акцент на семейных ценностях, так как их деградация запускает цепную реакцию. Так, его исследования показывают, что ребенок, живущий с обоими биологическими родителями, ис-

пытывает жестокое обращение в два раза меньше, чем дети в среднем; для тех, кто живет только с матерью, вероятность этого больше в 1,7-2,3 раза, а для тех, кто живет с матерью и с отчимом, больше в 2,8-5 раз [Фукуяма 2004а: 122]. Дети в таких семьях испытывают дефицит любви и заботы. Это, по мнению Фукуямы, становится причиной агрессии молодого поколения. Это порождает рост преступности, в итоге – уменьшает доверие в обществе.

В целом индивидуализм может иметь негативные последствия еще и потому, что делает социальную сплоченность менее достижимой. Людям становится труднее сотрудничать друг с другом, коль скоро их связи реже скрепляются моральными обязательствами. А чрезмерный эгоизм и оппортунизм в корне подрывают доверие.

В свете вышесказанного неудивительны дальнейшие выводы Фукуямы о том, что с культурой неограниченного индивидуализма связаны серьезные проблемы. Первая из проблем заключается в том, что моральные ценности и общественные правила – не просто деспотические ограничения выбора, налагаемые на индивида, а скорее необходимые условия совместной деятельности любого типа [Фукуяма 2004а: 27]. И далее: индивидуализм, фундаментальная ценность современного общества, незаметно начинает переходить от гордой самостоятельности свободных людей в род замкнутого индивидуализма, для которого целью становится максимизация персональной свободы без оглядки на ответственность перед другими [Фукуяма 2004а: 72].

Социальный капитал как «неуместная аналогия». Тем не менее несмотря на всю драматизацию процесса индивидуализации некоторые авторы теории социального капитала, на наш взгляд, слишком консервативны, а потому недооценивают фундаментальную причину этого процесса – *капитализм*.

Например, Ф. Фукуяма пишет, что капитализм разрушает социальные связи. Но происходит это, по его мнению, в результате гибели устаревших форм социальности. Затем он отмечает, что современные капиталистические экономики будут создавать постоянный спрос на социальный капитал, а частные лица ради достижения собственных эгоистических целей будут стремиться создавать социальный капитал и добродетели, связанные с ним, такие как честность, надежность, взаимность [Фукуяма 2004а: 347-348].

Это кажется странным на фоне многочисленных выводов критиков капитализма о том, что последний способствует эгоизму и разрушает социальные связи [Бауман 2008; Sennett 1978] (об этом писал еще Ф. Тённис [Тённис 2002]). На наш взгляд, теория социального капитала имеет ряд очевидных и принципиальных недостатков. Один из них заключается в том, что сопоставление социальных и экономических явлений сбивает с толку и порождает терминологическую путаницу.

Начнем с того, что можно говорить о своеобразной гиперинфляции значений термина «капитал». Сегодня говорят о человеческом капитале, культурном капитале, политическом капитале, экологическом капитале и т.д. При этом в каждом новом случае теряется изначальный смысл понятия, который был вложен в слово «капитал» его авторами.

В ситуации с социальным капиталом все максимально запутывается. Дж. Филд, например, говорит, что у социальных сетей [social networks] отсутствуют очевидные свойства капитала, такие как сводимость к единой валюте, заменяемость [substitutability], перемещаемость и возможность прямых инвестиций [Field 2003: 158]. И далее: иные формы капитала обычно могут быть куплены и проданы на рынке, и поэтому опосредованы деньгами. Финансовому капиталу, физическому капиталу и даже человеческому капиталу может быть найден денежный эквивалент среди рыночных товаров. Социальные отношения же непросто перевести на язык рыночных цен. И уж тем более они не могут обмениваться на другие товары [Field 2003: 159].

С другой стороны, как замечают Б. Файн и К. Лапавицас, в экономике не исключаются ссылки на социальные явления. Например, уже К. Маркс говорил о соответствующей капитализму социальной системе. Другое дело, когда во внимание принимаются вещи, изначально не связанные с экономикой. Файн и Лапавицас пишут, что несмотря на постоянные акценты на социальном некоторые авторы теории социального капитала не рассматривают социальные отношения как отдельный от экономики аспект общества, как объект исследования, который требует других аналитических и методологических принципов, отдельных от «инвестиций» [Fine, Lapavitsas 2004: 30].

Другие критики заостряют внимание на противоречиях между реальным и социальным капиталом. С. Смит и Дж. Кулинич так характеризуют ситуацию. *Это определено одна из самых больших ироний современной социальной мысли. Появляется все больше и больше деловой и академической литературы, посвященной социальным проблемам в терминах социального капитала, в то время как глобальный капитализм приводит к росту неравенства в доходах и благосостоянии. Такая точка зрения полагает, что все участники могут достичь капитала, правда несколько другой формы, и что якобы соответствующие «инвестиции» в социальный капитал компенсируют растущую разницу в доходах или финансовом капитале* [Smith, Kulynych: 167].

В теории социального капитала также не ясна связь между рациональными и эмоциональными компонентами социальных отношений. Социальные ценности, нормы, общественная мораль и солидарность зачастую имеют под собой эмоциональные основания или же сопровождаются эмоциями альтруизма и сопричастности. Обычно авторы теории социального капитала не обращают на это внимания, но есть исключения. Например, Дж. Коулмен утверждает, что некоторые подпитываемые альтруизмом социальные нормы способствуют решению проблемы дефицита общественных благ (добровольный труд волонтеров и т.п.) [Коулмен 2001]. О бескорыстных эмоциональных действиях говорит в своих трудах и Фукуяма. Он относит к важнейшим формам социального капитала общественные ценности, нормы и мораль. Причем ценности и нормы в его теории есть ничто без должного «эмоционального подкрепления». Как замечает Фукуяма, индивид следует нормам не потому, что это выгодно, а потому, что следова-

ние нормам становится самоцелью благодаря ярко выраженному эмоциональному отклику [Фукуяма 2004b: 252].

Но, на наш взгляд, включение в концепцию социального капитала эмоциональных феноменов является непоследовательной спекуляцией. Как говорят Файн и Лапавицас, искусственная увязка социальных феноменов с экономическими может исказить их внутреннюю суть. Доверие, честность, вера, связность, взаимность и т.п., считают они, не являются капиталом. Эти понятия могут появляться в контексте, не имеющем ничего общего с экономикой [Fine, Lapavitsas 2004: 32]. Похожую мысль излагает Дж. Ходжсон говоря о том, что давать чему-то цену не значит устанавливать возможность владения или отчуждения. Существует множество таких субъективных ценностей, как любовь, доверие, честь, которыми не так легко (если вообще возможно) торговать [Hodgson 2014].

Суждение Ходжсона можно развить применительно к капитализму. Так, Фукуяма, как мы выяснили выше, не считает капитализм основной причиной индивидуализации. Напротив, по его мнению, социальный капитал является капиталом постольку, поскольку привлекателен для потенциальных «инвесторов». Конечно, сегодня ценятся прежде всего материальный достаток и независимость, но именно по этой причине завтра «независимые» индивиды осознают, что социальный капитал – источник счастья и достатка. Сегодня индивид рационален и стремится к выгодам, а завтра пытается проникнуться моральной, а не инструментальной ценностью. Послезавтра это уже рефлексирующий социальный агент, критикующий собственный эгоизм. Как бы то ни было, по теории Фукуямы, начинается данная «цепь перевоплощений» с эгоистического «позыва» к увеличению благосостояния.

Однако Фукуяма ошибается в том, что основная роль таких нравственных ценностей, как честность, надежность, взаимность, заключается в следовании эгоизму индивидов и капиталистической логике «извлечения выгод». Здесь резонно предположить, что некоторые социальные феномены, ложно отождествляемые с термином «капитал», имеют место быть и вопреки капитализму. В своей книге «Что нельзя купить за деньги» М. Сэндел анализирует современный тренд внедрения экономических механизмов в сферы, изначально регулировавшиеся преимущественно общественной моралью, таких как продолжение рода, воспитание детей, образование, здравоохранение, охрана окружающей среды и т.д. По его мнению, монетизация социальных отношений вытесняет моральные нормы и приводит к нивелированию внутренней ценности дружбы, альтруизма, гражданского долга и т.п. [Сэндел 2013].

Понятие «социального» в капитализме как часть рефлексивно-консерватизма. Тем не менее не стоит отбрасывать некоторые изначальные интуиции теории «социального капитала». Капитализм зачастую только выигрывает от некоторых внеположных «логике накопления» включений. Наша точка зрения отчасти совпадает с тезисами Л. Болтански и Э. Кьяпелло, которые говорят о «духе капитализма» как о некоем идеологическом и идейном фундаменте тех или иных исторических форм

капитализма. Как они пишут, «аморальность капитализма означает, что дух капитализма не может определяться только через то, что предлагает сам капитализм, то есть через способность к накоплению. ... Капитализм нуждается во врагах, людях, которые испытывают к нему сильнейшую нелюбовь и готовы развернуть против него войну. Это те люди, которые предоставляют ему моральные основания, которых ему не достает и что дает ему возможность инкорпорировать механизмы справедливости, важность которой он в противном случае не признал бы» [Болтански, Кьяпелло: 78]. Иначе говоря, социальная критика может ослаблять деструктивную силу капитализма, побуждая его к качественным улучшениям. Здесь можно вспомнить известную фразу С. Жижека о том, что капитализм постоянно пребывает в кризисе, и именно из-за этого он кажется практически неуничтожимым. Слабость капитализма – это одновременно его сила.

Правда, Болтански и Кьяпелло говорят в основном о критике, имеющей дискурсивную форму моральных суждений в сфере идеологических дискуссий. На наш взгляд, подобный эффект «иммунизации» капитализма можно наблюдать и в сфере повседневных интеракций. Можем ли мы, например, говорить, что владелец фирмы, решивший не сокращать кормильца семьи, руководствуется идеологическими соображениями? Очевидно, речь в подобных случаях идет, как правило, о некоей «житейской морали», зачастую привитой еще в семье. Здесь же мы имеем дело с чувствами, такими как самоотверженность, честность, взаимность, сопричастность, солидарность. Мы называем данные феномены термином **«социальное капитализма»**.

Социальное капитализма – это формируемые в сфере повседневности явления, которые сдерживают «темную сторону» капитализма, представляя собой своеобразный противовес расчетливости, фальши и непостоянству homo-еconomicus. Это есть то, что пробуждает в людях сострадание, ответственность, преданность, готовность прийти на помощь, поделиться «куском хлеба». Это такие формы социальности, которые невозможно утвердить никакими декретами в силу их глубинно-эмоциональной природы.

В отличие от того, что мы видим в (некоторых версиях) теории социального капитала, концепт «социальное капитализма» не строится на оправдании эгоизма как «источника инвестиций в социальный капитал». Напротив, нам, по-видимому, требуется нечто вроде диалектического подхода, признание «конструктивного противоречия» между капитализмом и социумом. Капитализм могут изменить к лучшему только люди и их «общностные» эмоции – любовь, преданность, альтруизм и все то, что мы ценим отнюдь не из корыстных соображений.

Тем не менее будет заблуждением считать, будто бы капитализм в данном ключе – это «чистое зло», а социальное капитализма – «целебный подорожник». На наш взгляд, капитализм также сдерживает «темную сторону» социальных феноменов. Конечно, он неразрывно связан с декларацией индивидуалистических ценностей, но такие ценности не всегда влекут за собой эгоизм и безразличие. Напротив, индивидуализм может уравновесить «кровный» коллективизм, притесняющий всякую индивидуальность и служащий основанием для безрассудного (иногда экстремистского) фана-

тизма и фундаментализма (как мы видим сейчас в некоторых восточных обществах, в которых фундаментальную роль играет этническая принадлежность, религия и т.п.).

Поэтому, на наш взгляд, концепт «социального капитализма» может являться частью *консервативного мировидения*. Относительно понятия «консерватизм» мы солидарны с С. Хантингтоном, который считает, что консерватор – этот тот, кто защищает современный порядок [Huntington 1957]. В нашем случае – это капитализм.

Мы говорили о концепте *публичного капитала* [Давыдов 2013]. Идея публичного капитала близка идее Болтански и Кьяпелло: капитализм нуждается в критике. Но Болтански и Кьяпелло говорят о врагах капитализма, то есть о тех, чей настрой является радикальным. В каких-то случаях идеи радикальных критиков, действительно, усваиваются капитализмом, и это идет ему на пользу. Но здесь всегда есть опасность прорыва «сдерживающей дамбы». Смысл публичного капитала в том, чтобы изначально подходить к критике капитализма с позиций консерватизма. С капитализмом мы можем связывать наше благополучие в настоящем времени, однако в такое благополучие необходимо инвестировать, соотнося настоящее время с будущим. Мы критикуем краткосрочные перспективы (потребление, быстрое обогащение) в пользу долгосрочных (например связанных с экологической безопасностью), оставаясь в «системе координат» капиталистического мышления.

Но иногда необходимо рефлексивное осмысление самой *логики* капиталистического мышления («логики накопления»). Случай с концепцией социального капитала показателен. Не все вещи в обществе следует избирать в качестве инструмента «извлечения прибыли» (капитала). Можно ценить капитализм как систему – лучшую из худших, такую, где обеспечивается минимум индивидуальных (рыночных) свобод и т.д. В то же время не стоит забывать, что не бывает капитализма «в чистом виде» как воплощения идеи общества эгоистичных индивидуумов. Капитализм нуждается в том, что по своему существу противоположно идее «общества эгоистов». Среди таких феноменов – «социальный капитализм» как совокупность того, что нам дорого «само по себе». Следовательно, о социальном капитализме следует говорить опираясь на наше внутреннее моральное чутье – на потребность в общении, дружбе, любви, взаимной помощи.

Материал поступил в редколлегию 07.07.2014 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бауман З. 2008. Текущая современность. СПб. : Питер. 240 с.
Болтански Л., Кьяпелло Э. 2011. Новый дух капитализма // Логос. № 1. С. 76-103.
Бурдые П. 2002. Формы капитала // Экон. социология. № 5. С. 60-74.
Давыдов Д.А. 2013. Идеология умеренной рефлексии: публичный капитал как концепт // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. Вып. 4. С. 119-132.

- Коулмен Дж. 2001. Капитал социальный и человеческий // ОНС : Обществ. науки и современность. № 3. С. 121-139.
- Патнэм Р. 1996. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М. : Ad Marginem. 287 с.
- Сэндел М. 2013. Что нельзя купить за деньги. Моральные ограничения свободного рынка. М. : Манн, Иванов и Фарбер. 256 с.
- Тённис Ф. 2002. Общность и общество. СПб. : Владимир Даль. 452 с.
- Фукуяма Ф. 2004a. Великий разрыв. М. : АСТ : Ермак. 476 с.
- Фукуяма Ф. 2004b. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М. : АСТ. 732 с.
- Field J. 2003. Social Capital (Key Ideas). London : Routledge. 176 p.
- Fine B., Lapavitsas C. 2004. Social Capital and Capitalist Economics // South Eastern Europe Journal of Economics. № 1. P. 17-34.
- Hodgson G.M. 2014. What is Capital? Economists and Sociologists Have Changed its Meaning – Should it Be Changed Back? [Электронный ресурс]. URL: http://www.uu.nl/SiteCollectionDocuments/REBO/REBO_USE/REBO_USE_OZZ/SemSerieSpring2014/What%20is%20Capital.pdf (дата обращения: 06.04.2014).
- Huntington S.P. 1957. Conservatism as an Ideology // American Political Science Review. № 2. P. 454-473.
- Lin N. 1999. Social Networks and Status Attainment // Annual Review of Sociology. № 25. P. 467-487.
- Lin N. 2001. Social Capital: A Theory of Social Structure and Action. New York : Cambridge University Press. 294 p.
- Putnam R.D. 1995. Bowling Alone: America's Declining Social Capital // Journal of Democracy. № 1. P. 65-78.
- Sennett R. 1978. The Fall of Public Man: On the Social Psychology of Capitalism. New York : Vintage Books. 386 p.
- Smith S.S., Kulynych J. 2002. It May Be Social, but Why It Is Capital? The Social Construction of Social Capital and the Politics of Language // Politics & Society. № 1. P. 149-186.
- Stolle D., Hooghe M. 2003. Conflicting Approaches to the Study of Social Capital // Ethical Perspectives. № 1. P. 22-45.

References

- Bauman Z. *Tekuchaia sovremennost'* [Liquid modernity], St. Petersburg, Piter, 2008, 240 p. (in Russ.).
- Boltanski L., Chiapello E. *Novyi duh kapitalizma* [The new spirit of capitalism], Logos, 2011, no. 1, pp. 76-103. (in Russ.).
- Bourdieu P. *Formy kapitala* [Forms of capital], *Jekon. sociologija*, 2002, no. 5, pp. 60-74. (in Russ.).
- Coleman J. *Kapital social'nyj i chelovecheskij* [Social and human capital], ONS : *Obshhestv. nauki i sovremennost'*, 2001, no. 3, pp. 121-139. (in Russ.).
- Davydov D.A. *Ideologija umerennoj refleksii: publichnyj kapital kak koncept* [Conservative reflection ideology: public capital as a concept], *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN*, 2013, iss. 4, pp. 119-132. (in Russ.).
- Field J. *Social Capital (Key Ideas)*, London, Routledge, 2003, 176 p.
- Fine B., Lapavitsas C. Social Capital and Capitalist Economics, *South Eastern Europe Journal of Economics*, 2004, no. 1, pp. 17-34.
- Fukuyama F. *Doverie: social'nye dobrodeteli i put' k procvetaniju* [Trust: the social virtues and the creation of prosperity], Moscow, AST, 2004, 732 p. (in Russ.).

Fukuyama F. *Velikij razryv* [The great disruption], Moscow, AST, Ermak, 2004, 476 p. (in Russ.).

Hodgson G.M. *What is Capital? Economists and Sociologists Have Changed its Meaning – Should it Be Changed Back?* 2014, available at: http://www.uu.nl/SiteCollectionDocuments/REBO/REBO_USE/REBO_USE_OZZ/SemSerieSpring2014/What%20is%20Capital.pdf (accessed 06 April 2014).

Huntington S.P. Conservatism as an Ideology, *American Political Science Review*, 1957, no. 2, pp. 454-473.

Lin N. *Social Capital: A Theory of Social Structure and Action*, New York, Cambridge University Press, 2001, 294 p.

Lin N. Social Networks and Status Attainment, *Annual Review of Sociology*, 1999, no. 25, pp. 467-487.

Putnam R. *Chtoby demokratija srobotala. Grazhdanskije tradicii v sovremennoj Italii* [Making democracy work: civic traditions in modern Italy], Moscow, Ad Marginem, 1996, 287 p. (in Russ.).

Putnam R.D. Bowling Alone: America's Declining Social Capital, *Journal of Democracy*, 1995, no. 1, pp. 65-78.

Sandel M. *Chto nel'zja kupit' za den'gi. Moral'nye ogranichenija svobodnogo rynka* [What money can't buy: the moral limits of markets], Moscow, Mann, Ivanov i Farber, 2013, 256 p. (in Russ.).

Sennett R. *The Fall of Public Man: On the Social Psychology of Capitalism*, New York, Vintage Books, 1978, 386 p.

Smith S.S., Kulynych J. It May Be Social, but Why It Is Capital? The Social Construction of Social Capital and the Politics of Language, *Politics & Society*, 2002, no. 1, pp. 149-186.

Stolle D., Hooghe M. Conflicting Approaches to the Study of Social Capital, *Ethical Perspectives*, 2003, no. 1, pp. 22-45.

Tönnies F. *Obshhnost' i obshhestvo* [Gemeinschaft und Gesellschaft], St. Petersburg, Vladimir Dal', 2002, 452 p. (in Russ.).

Dmitry A. Davydov, Junior Research Fellow, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Ekaterinburg.
E-mail: davydovdmityriy90@gmail.com

SOCIAL CAPITAL THEORY AS PART OF CAPITALIST DISCOURSE: PROBLEMS AND ALTERNATIVES

Abstract: The article discusses social capital theory in the context of conservative political thought. It is shown that the authors of social capital theory consider social ties as a source of economic well-being. They criticize the cult of individualism believing that the process of individualization entails a deficit of social capital. The author indicates the contradictoriness of this approach. Social ties should not be called 'capital' for ethical reasons. Metaphor of capital can be harmful as it distorts our perception of the real motives of associative behavior. Among such motives may be love, a sense of reciprocity and thankfulness, etc. Conceptual component of social capital theory is unclear too, as well as the relationship between social capital and capitalism. Experience shows that real capital contributes to the destruction of what is usually meant by social capital. This

situation forces the author to reconsider the role, which social capital theory plays today in political discussions. The author proposes an alternative term – “social of capitalism”. This term denotes those social phenomena, the essence of which is external to the essence of capitalism. In this connection, the author proposes an approach, according to which capitalism does not exist without something, to which it opposes. Some social phenomena oppose selfishness, therefore, they could inhibit a lot of negative aspects of capitalism. On the other hand, capitalism with its emphasis on individual liberty eliminates the evil, potentially stemming from fanaticism and fundamentalism of social associations. According to the author, this approach makes possible to raise the same issues, which are raised by social capital theory, while avoiding conceptual contradictions and distortion of meanings.

Keywords: capitalism, conservatism, social capital